

особистість, вчить більш толерантному відношенню до оточення, допомагає формувати інтегроване мислення.

Використана література:

1. Аникст А.А. Трагедия Шекспира “Гамлет”: Лит. комент.; кн. для учителя. – М.: Просвещение, 1986.
2. Вступ до філософії: Історико-філософська пропедевтика: Підручник / Г.І.Волинка, В.І.Гусев, І.В.Огородник, Ю.О.Федів; За ред. Г.І.Волинка. – К.: Вища шк., 1999.
3. Мірошниченко Л.Ф. Методика викладання світової літератури в середніх навчальних закладах: Підручник для студентів-філологів.-К.: Ленвіт, 2000.
4. Токмань Г. Вікова психологія як наукове джерело методики викладання літератури // Дивослово. – 2003. – №6.
5. Шекспір Вільям. Гамлет: Пер. з англ. І.Штещенко – К.: “Альтерпрес”, 1998.

Павлова І.В.

ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ФАНТАСТИЧЕСКОГО СУЩЕСТВА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Воображение современной личности не перестает воспроизводить в сознании неосмысленное фантастическое как свидетельство невозможности постижения явлений реального мира человеческим разумом.

Фантастическое – что-то невозможное, не существующее в действительности, сверхъестественное, противоречащее здравому смыслу, законам реального мира.

Фантазия в философии трактуется как воображение – “психологическая деятельность, состоящая в создании представлений и мысленных ситуаций, никогда в целом не воспринимавшихся человеком в действительности” [4].

Фантазия, как правило, оперирует не просто образами, а образами-символами, сознательно гипертрофирующими, а порой и “извращающими” действительность, повествуя о ней по принципу диаметрально противоположных оценок вроде добра и зла. Появление тех или иных образов в художественном произведении прежде всего связано с личностью писателя, его создающего. Когда речь идет о влиянии субъекта на отражение действительности, то следует иметь в виду степень развития общества, характер отношений людей в нем. Следовательно, появление научной фантастической литературы в XX ст. не было случайным, как и появление в текстах существ, не виданных в реальных земных условиях.

В настоящий момент фантастические образы художественных произведений остаются фактически не изученными, что позволяет говорить нам о безусловной актуальности и перспективности начатого нами исследования.

Одним из основоположников и классиков русской фантастической литературы является М. А. Булгаков. Рассмотрим средства создания образа-артефакта в аспекте

категории зооморфизма. Материалом исследования служит повесть “Роковые яйца”, где основным ирреальным персонажем является змея.

“Змей, змея – это символ представленный во всех мифологиях. Первоначально мифологический змей по внешнему виду был достаточно близок к обычным змеям, отличаясь от них значительно большими размерами” [2].

Сохраняются ли в повести Булгакова основные черты змей, представленных в развитых мифологических системах?

Данный персонаж появляется в восьмой главе повести предложением: “И тотчас в глубине разлапистой путаницы послышалось шуршанье, как будто кто-то поволок бревно” [1, 435]. Составные компоненты словосочетания “разлапистая путаница” имеют следующие лексические значения: “с широкими, похожими на лапы, расходящимися частями (о деревьях, об их корнях, ветвях, листьях)” [СРЯ, III, 610]; “что-то запутанное, спутанное, переплетающееся” [СРЯ, III, 563]. В роли подлежащего в придаточном сравнительном предложении используется неопределенное местоимение “кто-то”, объект исследования соотносится с неодушевленным предметом.

“Почувствовав мимолетное неприятное сосание в сердце... вдруг шорох в зелени повторился, и к нему присоединилось короткое сипение, как будто высочилось масло и пар из паровоза. Александр Семенович насторожился и стал всматриваться в глухую стену сорной заросли” [1, 435]. Прилагательное “неприятный” – “вызывающий чувство неудовольствия, огорчения, неловкости” [СРЯ, II, 471] – настраивает читателя на негативные события. Наречие “вдруг” имеет значения “1. внезапно, неожиданно. 2. сразу, немедленно, тотчас” [СРЯ, I, 144], т. е. использование его в предложении, наряду со словом “тотчас” в предыдущем, указывает на стремительную смену событий. И вновь перед нами синтаксическая конструкция, имеющая сравнительное придаточное, но здесь сравнение с предметом, созданным человеком. Фраза “всматриваться в глухую стену” обозначает бесполезность действий, и в то же время, отчаянная беспомощность перед силами природы. Прилагательное “сорный” употреблено в значении “неполезный вредный”, т. к. в данном контексте заросли нельзя противопоставить культурным растениям, уточнять, что заросли сорные в значении “засоряющий, заглушающий культурные посевы” [СРЯ, IV, 203], не имеет смысла.

В следующем предложении (“Сероватое и оливковое бревно начало подниматься из их чащи, вырастая на глазах” [1, 435] в роли подлежащего, производителя действия неодушевленный объект, причем интересна постановка качественных прилагательных при нем, оба слова обозначают цвет, но второе из них, образованное от названия вечнозеленого южного дерева, находясь рядом с существительным, обозначающим “ствол большого срубленного дерева” [СРЯ, I, 144], придает описываемому явлению большую степень фантастичности.

“Какие-то мокрые желтоватые пятна, как показалось Александру Семеновичу, усеивали бревно” [1, 435]. В данном предложении, все еще не говоря читателю о необычном существе, автор указывает на присутствие живых тканей на его поверхности.

“Оно начало вытягиваться, изгибаясь и шевелясь, и вытянулось так высоко, что перегнало низенькую корявую иву...” [1, 435]. При местоимении – подлежащем, заменяющем неодушевленное существительное, находится шесть слов обозначающих различные виды действий (основные и добавочные). Вновь существо сравнивается с деревом (объектом неживой природы).

“Затем верх бревна надломился, немного склонился, и над Александром Семеновичем оказалось что-то, напоминающее по высоте электрический московский столб. Но только это что-то было раза в три толще столба и гораздо красивее его, благодаря чешуйчатой татуировке” [1, 435]. Рассмотрим фразу “верх бревна надломился” лексические значения подлежащего и сказуемого согласованы, но действие должно быть пассивным, происходить под влиянием объективных причин, что отсутствует в тексте. Неопределенное местоимение “что-то” оставляет читателя в неведении. Сравнение с электрическим московским столбом позволяет предположить, что существо появилось на свет не без человеческого вмешательства. Описывая внешний вид, автор создает фантастические размеры: огромный рост и впечатляющая толщина. И только после всех вышеизложенных картин автор наталкивает на мысль, что существо относится к миру живых существ, а именно: пресмыкающихся, т. к. чешуя защищает тело позвоночных животных. Правда, существительное татуировка обозначает “узоры... нанесенные на тело человека путем наколов на коже...” [СРЯ, IV, 342], т. е. искусственно созданные рисунки, что подтверждает предположение о некоторой степени причастности человека к созданию существа.

“Ничего еще не понимая, но уже холодея, Александр Семенович глянул на верх ужасного столба, и сердце в нем на несколько секунд прекратило бой”. [1, 435]. “Еще” – наречие “в значении усилительной частицы употребляется для подчеркивания факта, для придания выразительности высказываемому” [СРЯ, I, 468]. “Уже” – наречие “указывает на свершение какого-л. действия, указывает на произошедшую перемену” [СРЯ, IV, 473]. Глагол холодеть – “испытание холода под влиянием сильного чувства” [СРЯ, IV, 616]. Словосочетание “ужасный столб” свидетельствует об отказе главного героя верить в одухотворенность существа, герой воспринимает ужас происходящего не в полной мере. Использование составного именного сказуемого (прекратило бой), а не составного глагольного (прекратило биться) для обозначения действия, вернее его отсутствия, усиливает напряженность. Стоящее в предложении последним существительное “бой”, употребленное вместо привычного (в сочетании с сердцем) “биение”, передает не только эмоциональное напряжение, но и содействует тому, что интонация становится резче.

“Ему показалось, что мороз ударил внезапно в августовский день...” [1, 435]. Сравнение, содержащее оксюморон, указывает на абсолютно фантастическое явление.

“На верхнем конце бревна оказалась голова” [1, 435]. Существо “одушевленно-неодушевленное”: выражение “конец бревна” – только для неживой природы, существительное “голова”, обозначающее верхнюю часть тела животного.

“Она была сплющена, заострена и украшена желтым круглым пятном по оливковому фону” [1, 435]. Краткие страдательные причастия, являющиеся однородными членами предложения, характеризуют внешность отдельного органа персонажа. Цветовая гамма остается прежней: преобладание оливкового и одно желтое пятно, как живая ткань, хотя объект все еще бездействует.

“Лишенные век, открытые ледяные и узкие глаза сидели в крыше головы, и в глазах этих мерцала совершенно невиданная злоба” [1, 435]. Точное описание органов зрения с помощью полных страдательных причастий и прилагательных. Определение “ледяные” можно рассматривать в двух аспектах:

- как цвет – бело-голубые, прозрачные;
- как “зеркало души” – отсутствие внутреннего мира, мертвенность, предвестие гибели.

Во второй части сложносочиненного предложения находим инверсию, причем на последнем месте в предложении находится подлежащее, лексическое значение которого позволяет предположить, что перед нами довольно развитое существо, способное испытывать чувства. Существительное “злоба” имеет при себе зависимые слова: наречие “совершенно” (от прилагательного со значением “полный, абсолютный, обладающий высшей степенью какого-либо (обычно отрицательного) свойства” [СРЯ, IV, 174]) обстоятельство высшей меры степени и определение причастие “невиданный”. Глагол “мерцать” – “светиться неровным колеблющимся светом” [СРЯ, II, 256], употреблен здесь в несколько необычном контексте, мы привыкли соотносить его с источником света, а не с выражением эмоций.

Величина змеи значительно превышает размеры реальных существ”. Змея приблизительно в пятнадцать аршин и толщиной в человека, как пружина, выскочила из лопухов” [1, 436]. Сравнение с пружиной может рассматриваться и как описание действия, и как принадлежность к миру неживой природы, а вернее миру вещей.

Реакция окружающих на змею (“Маня стала желто-белой и ее длинные волосы, как проволочные, поднялись на пол-аршина над головой” [1, 436] (с помощью сравнительного оборота, глагол действия)) позволяет утверждать, что перед нами аномальное существо.

“Змея на глазах Рокка, раскрыв на мгновение пасть, из которой вынырнуло что-то похожее на вилку, ухватила зубами Маню, оседающую в пыль, за плечо, так что вздернула ее на аршин над землей” [1, 436]. Здесь наблюдается сознательная замена подлежащего-существительного, неопределенным местоимением что-то. Сравнение органа пищеварительной системы со столовым прибором (вилкой), оправдано действием, направленным на съедение.

“Змея извернулась пятисаженным винтом, хвост ее взмел смерч, и стала Маню давить” [1, 436]. В предложении присутствует гиперболизация, живое существо змея

и ее действия расцениваются автором как стихийное бедствие: “атмосферный вихрь, возникающий в грозном облаке и распространяющийся вниз, до самой поверхности Земли в виде темного рукава или хобота. Столб чего-л. поднимаемый сильным движением воздуха” [СРЯ, IV, 152]

“...Затем змея, вывихнув челюсти, раскрыла пасть и разом надела свою голову на голову Мани и стала налезать на нее, как перчатка на палец” [1, 436]. Множество глаголов в данном предложении создает повышенную динамику действий, употребление деепричастия в начале предложения подчеркивает смену скорости и характера действий. Сравнение в предложении не только придает образность повествованию, но и создает резкий контраст: гибель человека (съедение его гигантской змеей) противопоставлена привычному не заслуживающему особого внимания факту.

Таким образом, в произведении Булгакова сохраняются следующие аспекты образа змея: отрицательная роль; связь змея с женским началом осмысляется в духе мотива принесения в дань; главное воплощение космического зла.

Використана література:

1. Булгаков М. Избранные произведения в двух томах: Т. 1. – К., 1989.
2. Мифы народов мира. Энциклопедия в двух томах // Гл. ред. С.А.Токарев. – Т.1. – М, 1980. – С. 468.
3. Словарь русского языка: В 4-х томах / АН СССР, Институт русского языка; Под ред. Евгеньевой А. П. – 3-е изд. стереотип. – М, 1985-1988, Далее в тексте – СРЯ, с указанием римскими цифрами тома и арабскими.
4. Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция Л.Ф.Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов – М., 1983. – С. 91

Савченко І.В.

ВЕЛИКІ МІНЕЇ-ЧЕТЬІ МАКАРІЯ І ЧЕТЬІ-МІНЕЇ ДИМИТРІЯ РОСТОВСЬКОГО (ТУПТАЛА): СПРОБА ТИПОЛОГІЧНОГО АНАЛІЗУ

Проблема формування агіографічних збірників православного характеру була і залишається однією із недостатньо опрацьованих українською та російською медієвістикою. На сьогодні зібраний достатньо значний текстовий матеріал, визначено загальні принципи компонування мінейних книг та принципи редагування текстів. Питанню походження та укладання Прологів, Торжественників, Четьїв-Міней у російській літературі присвячені праці Р. Дмитрієвої, О. Державіної, Н. Дробленкової, В. Ключевського, М. Сперанського, Т. Черторицької. У національній медієвістиці ці проблеми менш розроблені. Ними займалися Ю. Ісіченко [6], І. Огієнко [9], автор даної статті [10]. Зрозуміло, що стан вивчення питання визначає актуальність пропонованого дослідження. Вона є аргументованою і у аспекті аналізу джерельної бази Четьїв-Міней Димитрія